

★ ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА! ★

« МОРСКОЙ » СПЕЦНАЗ

ТОПИТЬ
ИХ ВСЕХ!

Сергей ЗВЕРЕВ

Морской спецназ

Сергей Зверев
Топить их всех!

«ЭКСМО»

2007

Зверев С. И.

Топить их всех! / С. И. Зверев — «Эксмо», 2007 — (Морской спецназ)

Африканский диктатор Азариас Лулу внешне напоминает сказочного злодея Бармалея. Но только внешне. По своей же сути он являет собой исчадие ада, ненасытное чудовище, для которого понятия морали и совести – пустой звук. И вот в плен к этому кровожадному существу попадает экипаж российского контейнеровоза. Перспектива у моряков ужасная. Шансов на спасение почти никаких. Российское руководство принимает решение провести операцию по спасению соотечественников с использованием диверсионной мини-субмарины. Командовать лодкой поручено отчаянному офицеру Илье Макарову по прозвищу Морской Волк...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Топить их всех!

Глава 1

– Не ходите, дети, в Африку гулять! – Алексей Флеров, капитан контейнеровоза «Новочеркасск», раздраженно рассматривал в бинокль портовую акваторию. – Знал бы, что так надолго тут застрянем, никогда бы на этот фрахт не согласился!

– Африканские таможенники «за спасибо» нам ничего не подпишут, – в тон ему отозвался старпом, поправляя торгфлотовскую фуражку.

Вечерний тропический ветерок едва заметно играл флагом за кормой «Новочеркаска». Малиновый диск африканского солнца медленно сдвигался за изломанную горную цепь, напоминавшую хребет доисторического чудовища. Со стороны порта доносились тепловозные гудки, металлический лязг кранов и звуки автомобильных клаксонов. Закатные лучи золотили огромный портрет местного президента-диктатора Азариаса Лулу. Портрет этот, нарисованный на отвесном склоне прибрежной горы, был настолько огромен, что даже с капитанского мостика контейнеровоза можно было пересчитать многочисленные ордена на груди главы государства.

Контейнеровоз, находившийся в долгом фракте, стоял в здешних водах вот уже третью неделю. Долгий фрахт – дело хотя и прибыльное, но утомительное и не всегда предсказуемое. Из Владивостока в Нагасаки судно вышло с грузом леса-кругляка, из Нагасаки в Сидней – с автомобилями, из Австралии в Африку – с мороженой бараниной... Вот в этом-то экваториальном порту и пришлось застрять на целых три недели. Сперва трудолюбивые африканские докеры никак не могли приступить к разгрузке «Новочеркаска», затем – к погрузке, а незадолго до отхода выяснилось, что не в порядке какие-то сопроводительные бумаги... Торговые моряки, естественно, страшно нервничали – ведь долгий фрахт оплачивают лишь после окончания плавания. Да и в семьях они не были по полугоду и более.

Делать на берегу было решительно нечего. Небольшое государство, расположенное на Восточном побережье Африканского континента, выглядело бедно, убого и грязно – даже по местным меркам. Все признаки «постколониального синдрома» были здесь налицо: пьянство, дикость, суеверия, СПИД, наркомания... Среднемесячная зарплата в десять миллионов мугамбов, или тридцать долларов, считалась весьма достойной; большинство не имели и ее. Даже портовые проститутки оценивали себя не дороже пачки сигарет или банки пива. Зато все стены украшали парадные портреты всенародно избранного президента, а на каждом перекрестке стояло по спецназовцу-гориллоиду в колониальном пробковом шлеме, с суставчатой дубинкой на поясе.

Про Лулу, избранного президентом пожизненно, рассказывали страшные вещи. По слухам, своих политических противников он скармливал или крокодилам на ферме, или акулам в заливе. Подобно недоброй памяти президенту Центрально-Африканской Республики Бокассе, он вроде бы даже практиковал ритуальный каннибализм. Поговаривали, что без консервированного человеческого мяса Лулу никогда не отправлялся в путешествие, предпочитая консервы не из соплеменников, а белых. Впрочем, проверить или опровергнуть эти слухи было некому: многие из приглашенных в президентский дворец на званый обед обратно уже не вернулись...

– ...Леша, посмотри, кажется, таможенники. – Старпом кивнул в сторону огромного голландского танкера под либерийским флагом. – Неужели к нам?

Из-за кормы мазутной громадины показался белый треугольничек буруна, обозначавший форштевень маломерного судна. Вскоре обозначился и сам катер. Выскочив на оперативный простор, он приподнялся на подводных крыльях. Эмблема на носу свидетельствовала, что это действительно катер местной таможни.

– Давай в мою каюту, стол накрывай, – бросил Флеров, сходя с мостика. – А я пойду встречать дорогих гостей...

Тем временем катерок косо встал над волной и по красивой белопенной дуге пошел к «Новочеркаску». Для таможенников спустили штормтрап. Спустя несколько минут трое глянцево-черных африканцев, явно гордясь своей ролью и властью, сидели в капитанской каюте.

Как и следовало ожидать, старший таможенник сразу же предъявил претензии к документам: и декларация неправильно оформлена, и деньги за лоцманские услуги не переведены вовремя, и портовый сбор не уплачен...

От таможенников зависело многое, если не все. Ситуация требовала показного дружелюбия и гостеприимства. После спича о взаимовыгодном сотрудничестве, произнесенного на безукоризненном английском, капитан Флеров проявил гостеприимство: предложил «Кэмел», пепельницу, включил кондиционер. В качестве довеска приложил бутылку «Столичной» и сто-долларовую купюру.

Благосклонно приняв подарки, африканцы, однако, не спешили покинуть контейнеровоз, хотя ни о каких претензиях больше не вспоминали. Сперва старший таможенник изъявил желание осмотреть подшкиперскую. Затем – сосчитать количество контейнеров с текстилем. Затем – спуститься в машину...

– Такое впечатление, что они нас специально решили до ночи мурыжить, – скрипнув зубами, сказал старпом. – Неспроста все это!

– Это у тебя психоз из-за тропической жары, – устало парировал Флеров. – Чего им нас тут держать? Свое получили... А теперь им просто хочется продемонстрировать свою власть. Что-то уж слишком недоверчивым ты стал!

– Станешь тут недоверчивым! Я бы этих африканских вымогателей собственноручно на нее вздернул!

– Ты за расизм или за дружбу народов? – укорил капитан.

И лишь когда на залив опустилась непроницаемая тропическая ночь, чернокожие таможенники, помахав на прощанье розовыми ладошками, спустились в свой катер.

– Дежурный по порту дал «добро» на выход судна из порта, – объявил вахтенный. – Да только вот ни лоцмана, ни буксира... Сами пойдем?

– Не впервой, обойдемся и без лоцманской проводки, – вздохнул капитан, вновь поднимаясь на мостик. – Скорее бы отсюда уйти...

Гигантский винт под кормой взбурлил воду, и «Новочеркаск» на самом малом пополз из залива. Штурман зажег судовые огни. В темноте разноцветными светлячками то и дело сверкали огоньки других судов; штаговые, ходовые, топовые. По Морскому кодексу в темное время суток идти без огней категорически запрещается.

Береговая кромка медленно отдалялась. Мерцали, словно мохнатые, африканские звезды. Портовый город обозначался вдали слабым электрическим заревом. Дав три прощальных гудка, как и положено при выходе из порта, российский контейнеровоз взял чуть левей. В огромном заливе, имеющем форму подковы, еще с колониальных времен было заведено: суда, выходящие из порта, придерживаются левой стороны, суда, идущие в порт, держатся правой.

Когда до горловины залива оставалось несколько кабельтовых, случилось непоправимое...

В левый борт «Новочеркаска» со страшным скрежетом врезался форштевень неизвестного судна. Столкновение, произошедшее под прямым углом, не оставляло обшивке никаких шансов уцелеть. В образовавшуюся пробоину мгновенно хлынула вода. Сама же пробоина

ежесекундно увеличивалась: контейнеровоз продолжал идти вперед, а мощный форштевень, вошедший в корпус, рвал металл, распространяя пробоину на отсеки.

Электричество на «Новочеркаске» пропало, однако спустя несколько секунд появилось вновь. Судно накренилось. Капитан Флеров, перегнувшись через фальшборт, сразу же рассмотрел виновника аварии. Это была бронированная моторная яхта, шедшая безо всяких отличительных огней. Штандарт президента Азариаса Лулу, развевавшийся на ее борту, вполне объяснял вопиющее нарушение Морского кодекса: ведь диктаторам законы не писаны, в том числе и морские...

Опытный Флеров сориентировался мгновенно. Отослав старпома в трюм руководить аварийной командой, он тут же распорядился застопорить машину и дать чуть правей, чтобы освободить корпус от форштевня. После чего немедленно связался с портовыми службами и запросил помощь.

Помощь, однако, запаздывала. Из трюма то и дело поступали тревожные сигналы: подвести под пробоину пластырь не получалось. Старпом, появившийся на палубе полностью мокрый, совсем пал духом: мотопомпы едва справлялись с водой, хлещущей в пробоины.

Тем временем президентская яхта также застопорила машину. На палубе зажегся мощный прожектор, и косой луч на мгновение ослепил Алексея Флерова. Отдавая очередное распоряжение, капитан «Новочеркасска» увидел на носу яхты некоего огромного африканца в цветастой сорочке, с массивной золотой цепью на шее. Африканец этот был совсем рядом, казалось, протяни руку вниз – и его можно схватить за шиворот.

Даже беглого взгляда на чернокожего было достаточно, чтобы определить в нем президента Лулу – ведь его портреты были развешаны по всей стране. Иссиня-черная физиономия, слюнявые губы, налитые дурной кровью глаза... Президент был пьян и неадекватен: обозвав экипаж на весьма скверном английском «беложопыми животными», он выдал им полный набор матерщины на всех известных ему языках, включая русский.

Ответ не заставил себя долго ждать. Старпом, ожидавший распоряжений Флерова, парировал с искусством и от души, и переплюнул в искусстве нецензурно выражаться главу государства.

И тут за кормой послышался ровный стук двигателя – африканцы наконец-то выслали на помощь спасательный буксир. Однако, когда до «Новочеркасска» оставалось не более полукабельтового, буксир резко развернулся обратно: штандарт президента внушил спасателям неподдельный ужас. Видимо, местные моряки прекрасно знали нравы и повадки своего диктатора: развернувшись, спасатели на «самом полном» пошли прочь от терпящего бедствие контейнеровоза.

Тем временем в руках обиженного в лучших чувствах диктатора появилась американская автоматическая винтовка «М-16»... Сперва Флеров подумал, что это идиотская шутка: стрелять по терпящим бедствие иностранным морякам не решится даже самый отмороженный завсегдатай портовых притонов. Президент Азариас Лулу мстительно ухмыльнулся, передернул затвор и прицелился. Протрещала коротая очередь, и на белоснежной сорочке старпома расплылось бесформенное кровавое пятно...

...То, что случилось потом, запомнилось Флерову лишь фрагментами. Лулу дал еще несколько коротких очередей, но, к счастью, неудачно: пули лишь прошли фальшборт. Находчивость капитана спасла жизнь не только ему: нащупав в кармане тяжелый портсигар, он прицельно метнул его в горящий прожектор. Матерщина и беспорядочные выстрелы заглушили звон разбиваемого стекла. Свет погас, и в это самое время «Новочеркаску» удалось-таки отвалить от страшной яхты. Даже в кромешной темноте было слышно, как диктатор беснуется на палубе. И тут корпус судна сотряс чудовищный удар: теряющее управление судно село на рифовую отмель. Впрочем, для экипажа контейнеровоза это стало спасением: идти в открытое море с огромной пробоиной было смерти подобно...

* * *

На улицах города началась ночная жизнь. Попугаи трещали в резных пальмах. Неоновые отблески колыхались в темной портовой воде. На перекрестках дымились жаровни с рыбой. Малолетние чернокожие оборванцы преследовали немногочисленных европейцев гортанными криками: «Эй, белый, доллар давай, доллар!» Белые шарахались от вымогателей, как от прокаженных.

Несколько крытых грузовиков и джипов с мигалками на полной скорости проследовали к пирсу, к которому уже подходило спасательное судно. Оцепление выстроилось мгновенно – местная полиция была готова не только к случаям массовых протестов и стихийных демонстраций. Любопытствующих бесцеремонно оттеснили подальше. Спустя несколько минут со спасательного судна вывели первую группу моряков с «Новочеркасска». Многие уже были избиты. Полицейские, не стесняясь, прямо на пирсе снимали с моряков часы, золотые цепочки и даже обувь.

Последним вывели Алексея Флерова. Капитан «Новочеркасска» не потерял присутствия духа: определив взглядом старшего правоохранителя, он потребовал немедленной встречи с российским консулом.

– Будет тебе встреча! – белозубо осклабился гориллоид и с оттягом ударил суставчатой дубинкой по спине капитана.

Моряков побросали в тентованные грузовики. Чернокожие автоматчики, рассеявшиеся у бортов, не оставляли никаких шансов на бегство. Да и куда можно бежать уроженцу Средней полосы России в незнакомом африканском городе?

Угрожающе взвыла сирена, пульсирующими сполохами вспыхнула сигнальная лампа на крыше головного полицейского джипа, и колонна покатила с территории порта. С освещенной набережной свернули в трущобы. Слепящие точки фар расширились конусами, выхватив из мазутной черноты фантастические пейзажи: жесть, картон и пальмовые листья.

Небольшая двухэтажная тюрьма, построенная еще в колониальную эпоху, белела за банановой плантацией. Подъехав к воротам, головной джип призывно посигналил. Металлические створки, ведомые мощным электродвигателем, бесшумно разошлись, и грузовики растворились в фиолетовой мгле тюремного двора...

* * *

Если ночью снится сырое мясо – жди беды. С этим утверждением Азариас Лулу был согласен на все сто процентов. Так было и двадцать два года назад, когда Лулу, аспиранта Высшей партийной школы при ЦК КПСС, собирались отчислить за кражу электрофена у стюардессы международных авиалиний. Так было и семь лет назад, когда в стране началось стихийное восстание, безжалостно потопленное в крови. Так было и в позапрошлом году, когда его государство было справедливо квалифицировано как «страна-изгой» и позорно изгнано из Организации африканского единства... Судьба, правда, до сих пор хранила Азариаса: всякий раз, проявив чудеса изворотливости, он выходил из переделок если и не победителем, то уж никак не побежденным...

Проснувшись наутро, президент Лулу долго пытался отогнать от себя навязчивое ночное видение: огромный кусок сырого дымящегося мяса в желтоватых лохмотьях прожилок. И хотя он никогда не был вегетарианцем, в состоянии похмельного синдрома этот сон был ему неприятен.

Голова была тяжела, ощущения и мысли – простыми и прямолинейными. Ощущений было несколько, все гадкие и мерзостные. Однако превалировало одно: гнусный привкус во

рту, который очень-очень хотелось уничтожить, выпив что-нибудь холодное. Язык превратился в комок наждачной бумаги, голова гудела, словно пустая тыква.

Президент, почесав гуталинового цвета живот, попытался восстановить в памяти события вчерашнего вечера. Пьянка, как он точно запомнил, началась тут, в резиденции, в обществе министра внутренних дел Набука Вабанды и его заместителя. Затем появился этот чертов англичанин Глен Миллер, руководитель «Интернэшнл даймонд», и предложил освежающую вечернюю прогулку на личной яхте главы государства. Сколько было выпито на яхте спиртного – Лулу не запомнил. Помнил, правда, что кидался пустыми бутылками в каких-то яхтсменов и мочился прямо с кормы. А вот потом вроде бы произошел тот самый инцидент, во время которого Лулу отключился. Кажется, в яхту врезалось какое-то больше судно. Кажется, он с азартом стреливал в каких-то белых на его борту. Кажется, за то те его попытались оскорбить на расовой почве. Но чем же все закончилось?

Балдахин над палисандровой кроватью создавал ощущение покоя. Едва слышно гудел кондиционер. Косой солнечный свет пробивался в щели опущенных жалюзи, и в ярких прямых лучах хаотично плясали пылинки.

Лишь в этой огромной резиденции, выстроенной на неприступной морской скале, диктатор ощущал себя в безопасности. Пятиметровые заборы, система блокпостов, спирали Бруно, минные поля и камеры скрытого видеомониторинга гарантировали относительную защищенность. Гарем из женщин различных цветов кожи, возрастов, национальностей и темпераментов был готов исполнить любой каприз хозяина. Огромный гараж, набитый «Роллс-Ройсами», «Кадиллаками», «Ягуарами» и «Порше», напоминал Детройтский автосалон. Ферма с вечно голодными крокодилами способна была внушить ужас любому, недовольному порядками в стране...

Дернув шнурок со звонком, Лулу вызвал адъютанта. Офицер в полковничьих погонах появился тут же, словно ожидал звонка за дверью. Бережно поставив перед президентом откупоренную банку пива, он преданно взглянул на главу государства: мол, что-то еще?

– Сколько же я выпил вчера? – наконец выстроил фразу президент Лулу.

– На борт яхты Вашего Высокопревосходительства было доставлено четыре ящика рома и ящик виски, не считая большого количества пива, – отчеканил адъютант. – Если Ваше Высокопревосходительство желает, я могу позвонить и узнать, сколько осталось...

– Не нужно, – толстые губы главы государства припали к пивной банке, и белая пена потекла по подбородку. – Ты лучше мне расскажи, что тут в моей стране нового?

– Все по-старому. Население вас по-прежнему боготворит. Благосостояние народа растет день ото дня... Что бы там ни говорили лидеры всех этих прогнивших европейских демократических государств.

Президент махнул рукой – утреннее пиво постепенно возвращало ему ощущение реальности.

– Сам знаю, – довольно отрыгнув, президент закурил. – В приемной никого?

– Его превосходительство господин Бамбучо Костяна с самого утра...

Бамбучо Костяна, занимавший в государственной иерархии второе место после Лулу, имел бессменный статус министра пропаганды и идеологии. Этого человека боялись не меньше, а то и больше диктатора. В стране с пережитками первобытно-общинного строя Костяна слыл самым продвинутым колдуном. Его шаманские камлания почти ежедневно транслировали по всем президентским телеканалам (других в стране попросту не было). Ходили упорные слухи, что Костяна успешно практикует вуду, насылает порчу на врагов государства и даже способен превращаться в любых обитателей экваториальных джунглей, от обезьяны до носорога. Даже Лулу с его неограниченными диктаторскими полномочиями – и то немного побаивался своего главного идеолога.

– Проси, – накинув на голое тело халат, президент тяжело уселся в кресло, формой напоминающее трон.

Костяна появился незамедлительно. Традиционная африканская юбка чуть ниже колен скульптурно облепляла его сухие старческие бедра. На впалой груди, перевязанной шкурой ягуара, позвякивали многочисленные амулеты: зубы крокодилов, иглы дикобразов, высушенные лапы ящериц и автоматные пули. Узловатые старческие пальцы сжимали главный символ шаманской веры – толстую бамбуковую палку с человеческим черепом на конце. Как доподлинно знал Лулу, это был череп спикера местного парламента, пропавшего семь лет назад...

С достоинством поздоровавшись, Костяна без приглашения уселся напротив – он всегда пользовался такой привилегией.

– Ну, давай, Бамбучо, с чем пришел? – допив пиво, президент щелкнул пальцами адъютанту – мол, повтори.

– Ваше Высокопревосходительство, – трагическим голосом начал колдун-идеолог, – произошла огромная неприятность. Да, я знаю, что эти русские сами виноваты...

– Что ты несешь? Какие русские? – не понял Лулу.

– С контейнеровоза «Новочеркасск». Русские моряки, злостно нарушив все существующие правила международного морского судоходства, вчера ночью спровоцировали столкновение с яхтой Вашего Высокопревосходительства...

– Так это были русские? – неприятно поразился глава государства.

С Советским Союзом, а потом и с Россией главу государства связывала не только учеба в Москве. В свое время, только-только придя к власти, он клятвенно обещал Кремлю «построить в одной отдельно взятой африканской стране социализм» и даже предложил в долгосрочную аренду лагуну под военную базу советских подводных лодок. Советы обещанием не воспользовались, однако все-таки причислили государство к «дружественным» и вяло защищали его от нападков в Совете Безопасности ООН. Азариаса Лулу как «пламенного коммуниста-ленинца и борца с мировым империализмом» даже наградили в Кремле орденом Дружбы народов. Однако вскоре отношения с Москвой испортились. В обмен на обещание «строить социализм» президент Лулу требовал слишком многого: бесплатных русских специалистов, дешевую нефть, невозвратные кредиты, а также постоянное лоббирование своего режима во всех без исключения международных организациях. Сотрудничество с кровавым диктатором, обвиняемым в людоедстве, явно тяготило Москву, потому как сильно портило имидж России. Вскоре от бывлой дружбы не осталось и следа. Правда, до сегодняшнего дня Российская Федерация оставалась одним из немногочисленных государств, не введшим пока экономическое эмбарго против страны-изгоя...

– Значит, это были русские... – на выдохе повторил президент; только теперь он вспомнил, как стрелял из винтовки «М-16» по белым на борту контейнеровоза. – Но они ведь сами виноваты, правда?

– Безусловно, – важно кивнул шаман. – Белые арестованы. Контейнеровоз «Новочеркасск» задержан, сейчас его ремонтируют.

– Бамбучо, ты уже советовался с духами? – встревоженно поинтересовался Лулу; он был явно испуган собственной пьяной лихостью.

– Сегодня утром. Потому и поспешил к Вашему Высокопревосходительству...

– И что говорят духи?

– С русскими не надо ссориться. Дух нашего общего предка, Шамбу-Шумба, советует принести извинения и всех отпустить. Наша традиционная африканская духовность...

– Но ведь они на весь мир будут вопить, что это мы виноваты! – напомнил глава государства.

– Я думаю, что ситуацию можно переиграть, – жестко улыбнулся Костяна.

– Например?

– Вину можно свалить на местную оппозицию. Мол, это они угнали вашу яхту по приказу своих заокеанских хозяев. Один из оппозиционеров переделся в любимые шорты и рубашу Вашего Высокопревосходительства и открыл стрельбу по русским. Организовал подлую провокацию. Чтобы таким образом дискредитировать не только вас лично, но и наше государство. Это, кстати, мне тоже духи посоветовали, – поспешно добавил шаман, явно снимая с себя ответственность за совет.

– Предлагаешь превратить наш проигрыш в наш же выигрыш?

– Вот именно.

– Все это хорошо, да только у нас оппозиции уже не осталось. – Президент выразительно кивнул в сторону окна, за которым располагалась крокодилья ферма.

– Найдем кого-нибудь, – хищно осклабился шаман.

– А если русские будут продолжать вопить, что мы виноваты?

– Тем, кто будет вопить громче всех, дадим денег... Ну, по пять миллиардов мугамбов на человека. – Заметив на лице собеседника выражение сомнения, Костяна переиграл: – Или по шесть миллиардов... Там один вроде погиб. Скажем, это его подлая оппозиция застрелила. Телеграмма соболезнования родным. Приглашение отдохнуть в нашей стране за наш счет. Официальные извинения...

Лулу задумался. С одной стороны, предложение главного идеолога не было лишено здравого смысла. Хотя отношения с Москвой были почти сведены к нулю, кое-какая торговля с ней еще оставалась. И торговля эта приносила хотя и небольшую, но все-таки прибыль. С другой же стороны, Россия совершенно не оправдывала возложенных на нее надежд. Теперь, когда словоблудие о «построении социализма в одной отдельно взятой африканской стране» звучало в Москве полным анахронизмом, русские все чаще и чаще давали понять, что отношения с Лулу могут строиться лишь на прагматичной основе.

После четвертой банки пива президента осенило.

– Позвоню-ка я мистеру Миллеру! – молвил он и, заметив на лице Бамбучо признаки недовольства, успокоил: – Он-то хотя и белый, европеец... но все-таки думать умеет!

Думающий европеец появился через час. Глядя на руководителя «Интернэшнл даймонд», становилось понятно, почему народы, поработанные Британской империей, так люто ненавидели англичан. Высокий, с жидкими соломенными волосами и совершенно бесцветными глазами, он неуловимо напоминал классического плантатора колониальной эпохи – жадного, расчетливого и безжалостного. Для полного сходства с кипплинговским героем не хватало только шестизарядного «Ремингтона» в руках и бича из гиппопотамовой кожи на поясе.

Азариас Лулу был обязан Глену Миллеру многим, если не всем. Вот уже много лет его диктаторский режим держался на плаву лишь благодаря «Интернэшнл даймонд», сверхбогатой международной корпорации по добыче и обработке алмазов. Только разведанных алмазных копей в стране было ничуть не меньше, чем в Намибии или Якутии. Большинство экономических рычагов управления страной еще с колониальных времен оставалось в руках «Интернэшнл даймонд», чьи финансовые возможности выглядели совершенно фантастически. Корпорация беззастенчиво грабила страну, однако Лулу смотрел на это сквозь пальцы: британцы, в обход всех международных санкций и эмбарго, поставляли ему вооружение, амунисию и самую современную полицейскую спецтехнику.

Глен Миллер и Бамбучо Костяна тихо ненавидели друг друга. Это было не только противостояние за «доступ к телу» диктатора. Экономические интересы главного колдуна, который также вложил в алмазодобычу средства, то и дело пересекались с интересами транснациональной корпорации. «Холодная война» могла перерасти в открытое противостояние в любой момент...

Как и следовало ожидать, мистер Миллер был уже в курсе ночных событий. Что, впрочем, неудивительно: о столкновении русского контейнеровоза и президентской яхты судачили на рынках, в портовых борделях и на набережной...

– Естественно, эти русские виноваты сами, – жестко улыбнулся Миллер и, неприязненно покосившись на шаманский атрибут с человеческим черепом, продолжил все так же деловито: – Однако ни о каких извинениях не может быть речи.

– Почему?

– Пусть русские и извиняются! Виноваты ведь они, Ваше Высокопревосходительство! Всенародно избранному президенту не подобает извиняться перед какими-то матросами-голодранцами!

– М-м-м... – Всенародно избранный причмокнул губами. – Это, конечно, мысль. Ну, и как ты это видишь, мистер Миллер?

– Все очень просто. Сперва следует подготовить информационное прикрытие. Объяснить мировому сообществу, в чем именно виноваты русские. Затем потребовать официальных извинений в приемлемой для вас форме. Когда же их не последует, Россию просто послать подальше...

– Но ведь у нас с Россией торговля! – напомнил Лулу; он явно колебался.

В руках алмазодобытчика появился блокнот.

– Смотрите. Годовой товарооборот между вашим государством и Россией – пять с половиной миллионов долларов. Всего. А контейнеровоз «Новочеркасск», если мы его конфискуем, стоит пятьдесят-шестьдесят миллионов как минимум. Ему еще трех лет нету, немцы под заказ строили. Всегда можно выгодно перепродать. Или самим деньги морскими перевозками зарабатывать.

– А если русские... предпримут какой-нибудь демарш?

– Ну, присоединятся к экономическому эмбарго. Ну, введут санкции на торговлю. А что еще они могут? Какой от них толк? Или Ваше Высокопревосходительство лично им чем-то обязан?

И тут подал голос забытый Костяна:

– Мистер Миллер явно забывает сказать, что экономическая и политическая изоляция нашей прекрасной страны выгодна прежде всего «Интернэшнл даймонд»! Чем больше против нас будут вводиться санкций и эмбарго, тем незаменимее станут услуги самого мистера Миллера. К кому еще обращаться по поводу закупок ракетных катеров, вертолетов береговой охраны и полицейских водометов? К «Интернэшнл даймонд», и только к ним!

– Мистер Бамбучо Костяна, как всегда, преувеличивает, – холодно опроверг доводы противника британец. – Если мы и помогаем вашему правительству, то делаем это только от чистого сердца! И вообще: полагаться надо не на каких-то там русских... которые все равно далеко, а на мощь западного корпоративного бизнеса.

– Продолжай, я слушаю, – туземный президент благожелательно улыбнулся европейцу, явно давая понять, что реплика шамана пришлась ему не по вкусу.

– Одной санкцией больше, одной меньше... Какая разница? Зато, потребовав у русских извинений и конфисковав их контейнеровоз, Ваше Высокопревосходительство автоматически ставит себя вровень с лидерами мировых супердержав! Мол, мы – не очень большая страна, к тому же бедная, лишь недавно сбросившая путы колониализма... А вот Россию не постеснялись послать подальше!

Англичанин, прекрасно изучивший психосклад президента, знал: в ситуациях, подобных этой, лучше всего сыграть на его самолюбии. Осталась лишь пара-тройка стран, где диктатора-людоеда еще по инерции считали легитимным. Для подавляющего большинства мировых государств Лулу давно уже превратился в персону нон грата, иметь с которым хоть какие-то дела считалось верхом неприличия. А ведь диктатору так хотелось ездить на международные

экономические форумы, встречаться с мировыми лидерами и вообще – иметь репутацию уважаемого государственного деятеля и приличного человека!

– Духи подсказывают мне, что мистеру Миллеру доверять нельзя! – в качестве последнего аргумента вставил Кастяна. – Добром это не кончится. Лучше извиниться и все свалить на оппозицию. Дешевле обойдется.

Лулу по-прежнему колебался. С одной стороны, ему совершенно не хотелось конфликтовать ни с кем, даже с весьма далекой Россией. Да и духов он немного побаивался. С другой – предложение мистера Миллера очень уж пришлось ему по душе. Демонстрация неуступчивости и независимости для современного африканского политика дорогого стоит...

– К тому же, разговаривая с русскими с позиции силы, Ваше Высокопревосходительство необычайно укрепит свой авторитет внутри страны, – хитрым змеем улыбнулся британец и тут же поспешно добавил: – Впрочем, ваш авторитет и без того очень, очень высок...

– Я подумаю. – Дернув шнурок со звонком, президент вызвал адъютанта и распорядился принести пиво для всех.

– Хорошо, думайте, – соглашаясь, кивнул британец. – Уверен, что Ваше Высокопревосходительство примет единственно правильное решение.

– А я еще раз посоветуюсь с духами, – безнадежным тоном произнес шаман.

Миллера эта реплика совершенно не смутила.

– Кстати, Ваше Высокопревосходительство хорошо помнит, во сколько обходится годовое содержание одного полицейского спецназовца? – вкрадчиво поинтересовался он.

Лулу замялся:

– Ну, если в мугамбах...

– Десять тысяч долларов США, и это не считая оружия, транспорта, спецтехники, амуниции и боеприпасов. А кто оплачивает весь ваш полицейский аппарат – надеюсь, Ваше Высокопревосходительство еще помнит?

Это было правдой: элитные части армии и полиции вот уже десять лет финансировались «Интернэшнл даймонд». Правда, взамен Миллер сразу потребовал налоговых льгот, каковые и были сразу же ему предоставлены. Однако жадному британцу и этого было мало: в последнее время он намекал, что неплохо было бы и вовсе освободить его от налогов...

– Но ведь у «Интернэшнл даймонд» и так исключительное положение в стране! – несмело напомнил президент. – У вас эксклюзивная концессия на добычу алмазов... и не только их!

– Все правильно. Но это вовсе не означает, что мы обязаны оплачивать все ваши счета, – спокойно парировал англичанин.

Когда принесенное адъютантом пиво было выпито, Азариас Лулу закурил сигару на манер Черчилля и уселся на стул-трон. Взгляд главы государства выражал державное величие. Этим взглядом он обвел присутствующих и вынес решение:

– Первое. Русским предъявить самые чудовищные обвинения. Расизм, наркоторговля, педофилия, контрабанда, пьянство, умышленные убийства, поклонение злым духам. В глазах мировой общественности их следует представить чудовищами, убийцами детей. Второе. Контейнеровоз «Новочеркасск» конфисковать в пользу нашего многострадального государства. Я не позволю обворовывать свой несчастный народ! Соответствующий декрет я сегодня же и подпишу. Третье. Господину Бамбучо Костяну, как ведущему специалисту по пропаганде и идеологии, подготовить информационное прикрытие. Да такое, чтобы весь мир поверил! Четвертое. Обработать всех очевидцев нападения на мою яхту этих беложопо... – перехватив притуренный взгляд британца, президент Лулу тут же поправился: – Этой банды русских террористов.

– В этом я с удовольствием выступлю спонсором, – как ни в чем не бывало вставил Глен Миллер.

– ...пятое. Объявить моему МИДу, что все попытки русских дипломатов встретиться с пленными русскими должны квалифицироваться как автоматическое признание вины экипажа «Новочеркасска». Иными словами, если мы объявляем моряков с контейнеровоза террористами, то русские дипломаты становятся пособниками террористов. Вопросы есть?

– Слова Вашего Высокопревосходительства – закон для всех нас, – вежливо улыбнулся Глен Миллер.

– Служу Отечеству и президенту! – обычной формулировкой подтвердил готовность служить диктатору главный колдун, искоса посматривая на англичанина, на которого он затаил глубокую обиду.

Проводив гостей, Азариас Лулу поднял жалюзи и открыл окно. В шелестящих кронах пальм галдели обезьяны. Одна из них, игриво взглянув на главу государства, показала ему донельзя непристойный жест. Президент лениво швырнул в примата банкой пива.

Настроение, бывшее с утра хмурым и сумрачным, постепенно поднималось. Президент все более и более утверждался в правильности своего решения. Реакция далекой Москвы совершенно не пугала африканского диктатора.

Да и чего бояться? За время президентства Лулу объявляли импичмент, и вводили санкции, и делали невыездным во все цивилизованные страны. Однако вот уже сколько лет он, невзирая на все превратности, продолжал стоять у кормила власти.

Азариас Лулу всегда верил в свою путеводную звезду, в неповторимую и счастливую судьбу, предначертанную духами джунглей. Именно судьба сперва вывела его, незаконнорожденного сына деревенской проститутки из поселка Александрия, в смотрители банановой плантации. Именно судьба направила молодого агрария на учебу в Москву. Именно судьба возвела его во время постколониального хаоса в должность главы государства.

Глядя на резвящихся обезьян, президент остро ощущал свое одиночество. Он любил это состояние. Когда в общежитии Высшей партийной школы посланцы борцов с колониализмом и расизмом поднимали граненые стаканы «за Африку!», он поднимал стакан вместе со всеми. Но не так, как все, а многозначительно, с особым подтекстом. «Большое будущее!» – видя этот жест, предрекали преподаватели, хотя и не знали, в чем заключается это будущее...

Допив пиво, президент поймал себя на мысли, что неплохо было бы и перекусить. Вид и запах мяса теперь совершенно не вызывали тошноты, как это было с утра. Наоборот – мысли о хорошо прожаренном филе будоражили рецепторы ротовой полости, провоцируя повышенное слюноотделение.

Набрав номер шеф-повара, президент вкрадчиво поинтересовался:

– А кто там у нас сегодня на завтрак?

* * *

– ...так, ноутбук раскрыть, включить в сеть и зафиксировать на экране какую-нибудь картинку «тяжелого порно»... Да нет, с нашей, с чернокожей девкой. А еще лучше – с симпатичным пацаненком. Вот тут, слева, положить использованные шприцы. Сюда – бутылки и стаканы... Прямо на порножурнал. Презервативы у кого-нибудь есть?

Вот уже полчаса в капитанской каюте «Новочеркасска» хозяйничали телевизионщики из информационно-аналитической программы «Панорама» – крупнокалиберного идеологического орудия диктаторского телеканала «За Африку!». Чернокожие шакалы пера и акулы голубого экрана, получив задание от Бамбучо Костяна, готовили «постановочные» кадры для субботнего эфира. Кадры эти и должны были изобличить русских моряков во всех смертных грехах, от наркомании до педофилии включительно.

Сюжет, заснятый в каюте Алексея Флерова, и впрямь получился эффектным. На экране компьютера в режиме стоп-кадра застыла донельзя неприличная картинка: четверо белых

зверски насилуют худенького африканского школьника. Бутылка из-под рома и несколько захватанных стаканов косвенно указывали, что русские развлекались подобным образом во время выхода контейнеровоза из порта. Использованные шприцы и несколько продырявленных презервативов, в художественном беспорядке разбросанные вокруг ноутбука, должны были засвидетельствовать, что просмотром извращенческого видео тут дело не ограничилось.

Оценив несмонтированную еще запись и удовлетворившись результатом, команда африканских телевизионщиков приступила к не менее важному пункту: интервью у очевидцев.

За очевидцами дело не стало: за пару-тройку долларов все портовые проститутки, наркоманы, алкоголики и завсегдатаи сомнительных притонов клятвенно засвидетельствовали бы что угодно, где угодно и когда угодно.

– Я своими глазами видела, как незадолго до столкновения с яхтой Его Высокопревосходительства русские моряки пили на палубе водку! – заявила грудастая африканка с проваленным носом.

То, что до «Новочеркасска» было как минимум несколько морских миль, ее не смутило – как, впрочем, и то, что дело происходило ночью.

– Незадолго до выхода из порта мистер Флеров попросил доставить на контейнеровоз партию героина, – заявил молодой чернокожий громила, перевязанный цепью. – Но я, как честный налогоплательщик и просто порядочный человек, сразу ему отказал!

Этот главарь молодежной портовой банды и впрямь подкатывал к русскому контейнеровозу на моторке с предложением доставить девочек, мальчиков, наркотики и контрабанду и отчалил лишь после твердого обещания боцмана утопить его вместе с поганой посудиною.

Очень кстати пришлось заявление местных таможенников, прибывших на «Новочеркаск» за дежурной взяткой незадолго до отплытия.

– Они специально спаивали нас водкой, сэр! – трагически скривил рот главный таможенник и с ловкостью фокусника извлек из кармана пустую бутылку из-под «Столичной». – Я этому мистеру Флерову так и говорю: «Не могу, мол, водку пить, это взятка, а я ведь Отечеству служу!» А он – ни в какую. Сейчас, мол, выпьешь, и будешь «Казачок» на палубе танцевать, с белыми сибирскими медведями! Пришлось пригубить, виноваты, каемся... Мы едва вырвались из их гнусных белых лап!

Бутылка выглядела неопровержимым доказательством правдивости таможенников: найти емкость из-под «Столичной» владивостокского разлива в экваториальном африканском порту можно было только у русских.

Еще не менее полудюжины «очевидцев» наперебой объяснили, что прекрасно видели момент столкновения. Моряки «Новочеркасска», нагло попирая все правила международного морского судоходства, при выходе из порта не только не зажгли судовые огни, но даже не дали положенных трех гудков. А все потому, что русские в это время пили водку, кололись героином, смотрели порнуху и предавались самым чудовищным извращениям. Вот неуправляемое судно и врезалось в яхту главы государства, который не пожалел выходного, чтобы самостоятельно проинспектировать акваторию порта. Лишь заступничество духов джунглей сохранило жизнь всенародно избранному.

Азариас Лулу, отсмотревший смонтированную запись «Панорамы» еще до выхода в эфир, одобрил профессионализм телевизионщиков. Оплатил же их услуги мистер Миллер – последнее стоило ему сущие пустяки. Именно в таком виде сюжет и прошел по местному телеканалу. И даже попал в новостные программы BBC и Euronews.

Добрые, темные и наивные африканцы поверили местному телевидению сразу и безоговорочно: все, что показывала «Панорама», выглядело в экваториальных джунглях свято и непогрешимо. Зато аудитория цивилизованных телеканалов оказалась куда менее доверчивой. Даже неспециалисты обнаружили в репортаже массу неточностей, противоречий, натяжек и откровенных ляпов.

И лишь на четвертый после катастрофы день в российских телевизионных новостях прошло нейтральное сообщение об аресте контейнеровоза «Новочеркасск» и всего экипажа.

Впрочем, те, кому по долгу службы следовало владеть точной информацией, уже знали, что африканский президент нагло лжет...

Глава 2

– Прошу вас, товарищ адмирал. – Внушительного вида морской пехотинец приоткрыл половинку дубовой двери перед нестарым еще мужчиной с погонами вице-адмирала и нашивками подплыва на рукаве.

В свои пятьдесят два года адмирал Виктор Павлович Столетов меньше всего походил на руководителя разведывательной структуры ВМФ РФ. Высокий, с поджарой фигурой стайера и цепким взглядом глубоко посаженных глаз, он напоминал скорее интеллигентного тренера.

Зато хозяин кабинета, куда вызвали Столетова, выглядел настоящим просоленным мореманом. Обветренное лицо, красные мосластые кулаки, выцветшие глаза, окруженные сетью глубоких морщин, какие бывают у людей, постоянно вглядывающихся в даль... Окладистая борода с роскошными русыми подусниками делала его похожим то ли на полярного исследователя Литке, то ли на английского капитана эпохи «чайных клипперов». Новенький китель с погонами адмирала флота смотрелся на бородаче совершенно некстати; куда больше ему подошли бы полосатый тельник, серебряная серьга в ухе и боцманская дудка на цепочке.

– Присаживайся, Палыч, – панибратски улыбнулся адмирал флота. – Как тебе мой новый кабинет?

– Куда привычней видеть тебя в боевой рубке ракетноносца. – Столетов равнодушно осмотрел казенно-величественные интерьеры: сборчатые портьеры, добротную старомодную мебель и тяжелую лепнину.

Высоченный потолок украшали расписные плафоны с изображением военно-морских сцен. На одной из фресок белели два парусника с Андреевскими стягами за кормой. Скрупулезный маринист изобразил не только все детали парусной оснастки и такелажа, но и берег: африканские джунгли, прекрасные пальмы и микроскопические фигурки черных туземцев с копьями в руках.

Перехватив взгляд гостя, хозяин кабинета прокомментировал:

– Парусные шлюпы «Надежда» и «Нева».

– Крузенштерн и Лисянский, – подтвердил Столетов. – Первая русская кругосветка. 1803 год, если не ошибаюсь.

– Было время, уважали нас в Африке, – не без подтекста продолжил адмирал флота и, нагнувшись к селектору, попросил принести кофе.

– Видимо, было за что.

– Ладно, – сказал хозяин кабинета и, благожелательно взглянув на принесшую кофе молоденькую секретаршу в мичманской форме, перешел к делу: – Догадываешься, зачем пригласил?

– Если ты о происшествии в том африканском порту... никак не могу запомнить его название, то мне известно немного. Ну, может быть, чуть больше, чем зрителям федеральных телеканалов. Однако все это выглядит более чем странно. Чтобы не сказать иначе...

– Тогда слушай, как оно было на самом деле...

Адмирал флота был немногословен – пространные рассуждения были не в его вкусе. Он лишь бесстрастно изложил факты ареста «Новочеркасска», сделав упор на том, что обвинения чудовищны, а моряки ни в чем не виноваты.

Столетов любовно тянул крепкий кофе и слушал, не перебивая.

– Кстати, а откуда информация об их невиновности? – спросил он, выслушав собеседника.

– В акватории этого африканского порта стояло немало судов, в том числе и голландский танкер под либерийским флагом. На танкере, среди прочего, оказались не только приборы ночного видения, но и любительские видеокамеры. Вот моряки и зафиксировали абсолютно

все – начиная от столкновения с яхтой пьяного канибала-диктатора и до ареста наших торг-флотовцев, – серьезно пояснил хозяин кабинета. – Голландцы – ребята порядочные. В Порт-Саиде они немедленно связались с нашим консулом и передали копию записи. Наши эксперты установили – видеозапись честная, подделка и монтаж исключаются. Более того, специалисты по судовождению детально проанализировали действия капитана Флерова и пришли к единодушному выводу: он действовал абсолютно правильно.

– Обожди... – Столетов недоверчиво взглянул на бородача-адмирала. – А этот Азариас Лулу – он что, действительно людоед?

– Мерзкое кровожадное чудовище. Четыре года назад у них в стране бесследно исчез атташе по культуре австрийского посольства. Вскоре было доподлинно установлено, что его съел президент Лулу.

– То есть как это съел?

– Просто. С солью, перцем и специями. В ответ на возмущенную ноту протеста африканский диктатор ответил следующее: «Можете съесть нашего посла в Вене». Взгляни. – С этими словами адмирал флота протянул собеседнику папку.

Досье, собранное на Азариаса Лулу, устыдило бы даже самого ревностного противника международного трибунала в Гааге. Только за последние четыре года в стране бесследно исчезло полтора десятка иностранцев. Канадский матрос и французский коммивояжер, американский палеонтолог и ирландский стрингер, чешский бизнесмен и бельгийский священник... Конечно, далеко не все пропавшие без вести встретили смерть под ножом президентского шеф-повара, однако горячность, с которой Лулу опровергал свою причастность к исчезновению иностранцев, наводила на естественные подозрения...

– Прямо какая-то «Книга о вкусных и здоровых людях»! – изумился Столетов. – Неужели такое в наше время еще возможно?

– К сожалению... Так что перспективы у наших ребят незавидные. МИД несколько раз пытался связаться с их дипломатами – бесполезно. Хотели предоставить адвокатскую помощь – ее отвергли. Эти демагоги сразу же завопили: мол, если русские дипломаты заступаются за своих граждан, покушавшихся на президента, – значит, тем самым они косвенно признают вину этих террористов. А видеозапись, которую нам дружественные голландцы передали, они и смотреть не желали. Мол, у нас степень вины определяет только наше самое прогрессивное в мире правосудие, и беспристрастный суд молодой африканской демократии никогда не захочет рассматривать заведомо поддельные видеокadres в качестве доказательной базы. Так что абсолютно все дипломатические способы разрешения конфликта исчерпаны. Мы даже не знаем, что с теми ребятами с «Новочеркасска» и живы ли они.

– И откуда же в наше время такие сатрапы берутся? – Вице-адмирал продолжал изучать досье.

– Если честно, то мы сами и виноваты, – самокритично признался бородач. – Азариас Лулу – выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС. В марксизме-ленинизме ему больше всего понравилась идея о физическом уничтожении врагов. Способный ученик оказался...

– Может быть, есть какие-нибудь иные способы повлиять на этого сумасшедшего?

– Например?

– А если попытаться отыскать какие-нибудь рычаги воздействия среди его окружения? – Виктор Павлович продолжал изучать досье на диктатора, пока не остановился на фотоснимке иссиня-черного старика с поганым вурдалачьим взглядом и амулетами на впалой груди.

– А что представляет собой этот министр пропаганды Бамбучо Костяна?

– Шаман, заклинатель духов, признанный специалист по насыланию порчи на врагов и воскрешению мертвецов. Выпускник института имени Патриса Лумумбы.

– А этот... Набука Вабанда, министр внутренних дел...

– Командует «эскадронами смерти», обожает лично пытаться людей, склонен к садизму. Семь лет назад, во время массовых выступлений против режима, собственноручно застрелил девятнадцать школьников младших классов. В свое время с отличием закончил Высшую ленинградскую школу милиции. Ты бы еще попытался воздействовать на этого людоеда при помощи его любимого шеф-повара...

– Этот, наверное, закончил кулинарные курсы при «Рэдиссон-Славянской»? – задумчиво предположил Столетов.

– Нет, он учился в Париже...

– Зачем же этому Лулу с нами ссориться?

– Он уже много лет воспринимал Россию как дойную корову, которую можно регулярно дергать за сиськи, обещая взамен то построение социализма в одной отдельно взятой за задницу стране, то режим наибольшего благоприятствования для нашего торгового судоходства, то ремонтные базы для наших подводных ракетноносцев... Рано или поздно наших моряков придется выпустить, но взамен Лулу потребует что-нибудь для себя.

– И чего же ему от нас надо?

– Этот найдет что. Например, нефть по бросовым ценам. Или льготный кредит, который он никогда не погасит. Или новые технологии по обработке алмазов. Или голос в Совете Безопасности ООН, где его режим давно уже признан нелегитимным. Его ведь санкциями обложили, как волка красными флажками... Однако договариваться с этим уродом никому не хочется. Он всех достал. Надеюсь, ты понимаешь, зачем я тебя пригласил?

– Не совсем, – улыбнулся гость; впрочем, он уже о многом догадывался.

Бородач начал издали. Сперва напомнил об истории тридцатилетней давности, когда гвардейцы Амина, тогдашнего диктатора Уганды, захватили израильский самолет. Израиль отреагировал мгновенно: в Уганде высадился отряд отборных командос, которые в капусту покрошили приспешников Амина, но своих сограждан спасли. Затем – об истории начала восьмидесятых, когда иранские исламисты взяли в плен американских дипломатов. Вашингтон тут же направил в Индийский океан целый флот и спланировал спецоперацию...

– Там, – адмирал флота поднял указательный палец, – пришли к выводу: нам больше не с руки помогать разным уродам, диктаторам и людоедам, продолжая их прикармливать...

– Надеюсь, не в гастрономическом смысле? – сдержанно улыбнулся Столетов.

– И ни в каком другом – тоже! Захват нашего контейнеровоза и экипажа – это пощечина России. Отказ нашему МИДу организовать с ними встречу – еще одна пощечина. Обвинение в терроризме и покушении на жизнь диктатора – третья пощечина. Ни одно уважающее себя государство не намерено такого терпеть. Короче, планируется силовая спецоперация по спасению наших ребят...

– В которой нашей мини-субмарине «Макаров» отводится решающая роль?

– Вот именно.

– Я не политик, а человек военный, – молвил Столетов мягко. – Однако меня очень интересует один момент: как отреагирует мировое сообщество на наши действия?

– Уверен: нас поймут правильно во всем цивилизованном мире. И прежде всего в Организации африканского единства, где Азариас Лулу давно уже персона нон грата. Кстати, у нас и там свои люди, – непонятно зачем разоткровенничался адмирал флота и, дождавшись, когда гость допьет кофе, закончил вполне официально: – Вам, товарищ вице-адмирал, сегодня же надлежит отправиться в Калининградскую область и проверить степень готовности «Макарова». Подробные инструкции экипаж получит непосредственно перед выходом в море. Задача понятна?

– Так точно!

– Выполняйте!..

* * *

Носовой торпедный отсек субмарины, называемый еще БЧ-1, – самое тесное и неудобное место на подводной лодке. Металлические переборки всегда влажны от фильтрации и конденсата. Свет не самый яркий – режим экономии. Бесчисленные вентили, манометры и клапаны делают этот отсек предельно коварным: одно неосторожное движение – и синяк гарантирован. Но хуже всего – втягивающая рукоять торпедно-загрузочной машинки. Все подводники знают, как непредсказуема эта рукоять. Она обладает резким и сильным ходом.

Однако спаренный торпедный аппарат с коварной рукоятью может стать единственным спасением для экипажа, если аварийную субмарину надо срочно покинуть. Запас сжатого воздуха позволяет «выстрелить» человеком через торпедную трубу. Правда, и тут шанс спастись весьма невелик, однако это все-таки шанс...

...Высокий моряк с монументальной фигурой и глазами цвета боевого металла взглянул на секундомер, висевший на груди, и кивнул на открытые заслонки спаренного торпедного аппарата.

– Первая пара – пошла! Второй приготовиться...

Двое подводников в гидрокостюмах и ластах улеглись на лафет торпедно-загрузочного устройства. Щелкнул металл, и первая пара синхронно вползла в торпедную трубу. Рукоять торпедно-загрузочной машинки исчезла в огромном кулаке моряка с секундомером на шее. Задрав внутренние заслонки, он нажал на рычаг. Двойной выстрел легкой вибрацией отозвался по отсеку.

– Вторая пара – пошла! Третьей приготовиться...

...Вечерний балтийский ветер хлопал Андреевским стягом на высоком флагштоке. Мелкий косой дождь зигзагами дробил отблески фонарей. Волны шлепали в прибрежные камни, и в кайме мусора полоскались огромные покатые валуны. Белоснежные чайки с гортанными криками пикировали и взлетали над волнами.

Пройдясь вдоль шеренги офицеров, капитан второго ранга Илья Георгиевич Макаров остановился у крайнего.

– Ты – мертв! – командным басом объявил он и, обернувшись к следующему, продолжил угрюмо: – И ты мертв! И ты! Все вы – покойники! Я вам что говорил? Сра-зу не всплы-вать! Тут не пожар и не ловля блох, скорость подъема никому не нужна! Нужен холодный и грамотный расчет... Хорошо хоть, что это были всего лишь учения и глубина только семь метров...

Кап-2 Макаров, известный в подплаве под джеклондоновской кличкой Морской Волк, был абсолютно прав: мгновенное всплытие с больших глубин ничем хорошим для спасаемого не закончится. При быстром подъеме подводнику гарантирована кессонная болезнь и некроз тканей: от быстрого перепада давления в крови мгновенно закипает азот, закупоривая сосуды. Как следствие – в конечностях начинается застой крови, кислород сгорает, а на его месте накапливаются продукты распада: углекислый газ и молочная кислота. Почки не фильтруют, легкие не вентилируют, и в теле вырабатывается трупный яд. Отравляется мозг, сердце, печень, и смерть запускает стремительный механизм, который уже никто не в силах остановить. Поэтому при аварийном всплытии с большой глубины нельзя надевать спасательные нагрудники, чтобы спасаемого пробкой не вытолкнуло на поверхность. Даже опытные водолазы и те после глубоководных погружений долго восстанавливаются в барокамерах...

– Что я говорил? – Морской Волк медленно шел вдоль строя. – Поднялся на метр – остановился, зафиксировался в этом положении, сосчитал до ста... Поднялся – зафиксировался... Вопросы есть?

– Разрешите обратиться, товарищ командир! – Молодой голос мичмана-гидроакустика несколько разрядил гнетущую атмосферу.

– Разрешаю.

– А если бы это была реальная боевая обстановка... Как же вы?

Вопрос прозвучал с явным подтекстом, и неудивительно: ведь последний подводник, остающийся на аварийной субмарине, – всегда смертник. В любом случае кому-то надо задраить внутреннюю заслонку торпедного аппарата и нажать на рычаг...

– По морским обычаям и традициям командир боевого корабля всегда и при любых обстоятельствах покидает его борт последним, – хладнокровно отчеканил Макаров. – Еще вопросы есть?

Вопросов не было. Подводники прекрасно понимали своего командира. Это тут, на учениях, он был придиричив и строг. В случае же конфликтных ситуаций Морской Волк обладал редкостным умением постоять за родной экипаж: его обветренное лицо, глаза цвета боевого металла и чудовищные кулаки внушали любому береговому начальнику моментальное уважение к подплаву...

– Товарищи офицеры и мичманы! Грамотное всплытие через торпедные аппараты – это вопрос безопасности вашей жизни! – процедил Илья Георгиевич, прохаживаясь вдоль строя. – Будем отрабатывать до полного автоматизма. Мне плевать на вашу усталость. Все меня поняли? До пол-но-го! Не забывайте, на какой субмарине все мы служим. В реальной боевой обстановке возможно всякое... А теперь – вольно, разоидись!

По дороге в столовую Макаров заметил черный лимузин со знакомым номером. На этой машине обычно приезжал на базу вице-адмирал Столетов. Появление автомобиля начальства в половине девятого вечера свидетельствовало как минимум о каком-то серьезном разговоре.

– Илья Георгиевич, – опустив стекло дверки, Виктор Павлович любезно, почти по-приятельски улыбнулся, – прошу ко мне.

Макаров уселся в салон. Голубоватое пуленепробиваемое стекло, отделяющее задние места от места водителя-матроса, медленно поползло вверх. По сосредоточенному лицу Столетова было понятно: и Морского Волка, и весь экипаж его субмарины наверняка ожидало что-то серьезное, и притом в самое ближайшее время...

– У меня к вам, Илья Георгиевич, один вопрос. – Вице-адмирал пристально взглянул на Макарова. – Если бы вам предложили на выбор: выполнить спецзадание в стране с влажным экваториальным климатом или в стране с умеренно континентальным... Чтобы вы выбрали?

– Конечно, первое! – не задумываясь, ответил Морской Волк.

– Почему, позвольте узнать?

– В странах с умеренно континентальным климатом наших торговых моряков не обижают, – спокойно ответил Илья Георгиевич, давая понять, что он уже в курсе происшествий в далеком африканском порту и наверняка подумывал о возможном участии своей совсекретной субмарины в освобождении экипажа «Новочеркаска».

– Мне нравится ваша проницательность, – улыбнулся Столетов. – О беспределе, учиненном африканским диктатором Лулу, вы узнали из газет и телевидения?

– А также из англоязычных сайтов Интернета. Видеозапись, сделанную с голландского танкера, смотрел несколько раз. И уже сделал вывод: вряд ли после всего случившегося наше руководство будет вести с ним какие-то переговоры... Тем более что этот людоед послал подальше наш МИД. Разрешите вопрос, товарищ адмирал?

– Слушаю.

– Экваториальная Африка слишком далеко от Калининградской области, а наша минисубмарина приспособлена только для каботажного плавания, – веско проговорил Макаров. – Базы снабжения и ремонта. Дозаправка. Скрытность плавания. Не через Суэц же идти!

– Как раз об этом мы с вами и поговорим, – улыбнулся вице-адмирал, и по этой улыбке Морской Волк понял: решение о силовом освобождении российских моряков уже принято на самом верху и на любые вопросы у собеседника наверняка найдутся исчерпывающие ответы...

* * *

Больше всего на свете Азариас Лулу любил две вещи: броскую кичевую роскошь и поиски врагов – истинных или мнимых. Ни один диктатор в мире вообще не может обойтись без врагов, ведь именно они служат оправданием его неограниченной власти. Но если истинные враги давно уже были или убиты, или съедены, или бежали из страны, то мнимых всегда можно было найти в любых количествах. Стоило только захотеть...

Изысканием врагов руководил Набука Вабанда – обрюзгший мужчина с жирным складчатым затылком и чудовищно огромным животом, формой напоминавшим крокодилье яйцо. Врагов следовало изыскивать регулярно, а то зачем же президенту такой силовой министр, не способный распутать клубки зловещих заговоров?

Вот и теперь, едва появившись в резиденции главы государства, Вабанда сообщил о коварном заговоре портовых спасателей.

– Я же им и так высокую зарплату назначил, чтобы не бастовали и меня добрым словом поминали! Двадцать миллионов мугамбов... Целых шестьдесят пять долларов! – искренне удивился диктатор. – И что им еще не нравится?

– Наверное, отрабатывают свои иудины сребреники, Ваше Высокопревосходительство, – принялся нашептывать министр внутренних дел диктатору. – Дело в том, что в странах так называемых западных демократий появилась дискредитирующая нашу страну видеозапись... Естественно, фальшивая!

Действительно, любительское видео, сделанное голландскими моряками, уже повсюду крутили на BBC и CNN. Да и местный МИД сигнализировал, что съемки столкновения президентской яхты с «Новочеркасском» каким-то непостижимым образом попали в руки русских. Хотя в стране и были запрещены коротковолновые радиоприемники, некоторые несознательные граждане находили способ слушать «вражьи голоса». Полицейские осведомители сообщили: спасатели, ставшие невольными очевидцами морской катастрофы, собирались вроде бы написать письмо в международные инстанции с детальным изложением истинного положения дел. Так, безусловно, могли поступить только враги, и уж назвать их мнимыми ни у кого бы не повернулся язык.

– Я им сейчас объясню, кто в моей стране хозяин! – осклабился Лулу и, сунув в карман любимый «глок» с платиновой отделкой и бриллиантовыми щечками на рукоятке, пошел к лифту.

Президентский кортеж, распугивая горожан ревом сирен, понесся в сторону порта. Позади на некотором отдалении следовали два грузовика с камуфлированными гориллоидами, вооруженными до зубов.

Спасателей уже выстроили на пирсе. Президент вразвалочку подошел к шеренге.

– Ты хочешь сказать, что это моя яхта врезалась в паршивый контейнеровоз белых? – ласково поинтересовался он у крайнего моряка.

– Ваше Высокопревосходительство, я просто не хочу участвовать во всем этом вранье, – гордо заявил тот. – Мне будет стыдно смотреть в глаза своим детям. Я ведь сам видел, как вы стреляли в русских из винтовки...

Азариас Лулу достал пистолет, подышал на бриллиантовые щечки, протер их о шорты, полюбовался игрой драгоценных камней и навскидку выстрелил лгуну в живот. Тот царапнул воздух руками и плюхнулся в воду.

Президент подошел к следующему.

– Так кто виноват в катастрофе, которая едва не стоила мне жизни... Я или белые? Отвечай, что ты видел?

– Ваше Высокопревосходительство, русские тоже виноваты... Но ведь это не они в вас стреляли! – примирительно промолвил спасатель, косясь на пистолет.

На этот раз президент выстрелил вруну в голову и тут же отскочил, чтобы кровь и мозг не испачкали белоснежный китель. После чего подошел к следующему.

– Так кто виноват в катастрофе? Отвечай, что ты видел!

– Это русский контейнеровоз врезался в яхту Вашего Высокопревосходительства! – испуганно затараторил моряк со спасательного судна. – Во время выхода из порта русские на палубе предавались разврату, пили водку и кололись наркотиками! Я это собственными глазами видел! Все мы это собственными глазами видели! Вся наша страна это видела! Правда?

– Да, да, мы видели это собственными глазами! – с неискренним энтузиазмом подхватили моряки со спасательного судна.

– Я так и думал, – подув в ствол «глока», диктатор спрятал пистолет. – И вы сможете написать письмо в эти, как их там...

– ...международные инстанции, – подсказал вышедший из-за спецназовского оцепления Набука Вабанда.

– Вот-вот. Что вы, как очевидцы происшествия, целиком и полностью подтверждаете вину русских?

– Текст письма вам составят в ведомстве Бамбучо Костяна... Для вашего же удобства. Ведь не все из вас умеют писать? – Жестко улынувшись, президент направился к своему бронированному «Роллс-Ройсу» с бамперами из чистого золота и изумрудными вставками в колесные колпаки.

По дороге в резиденцию Азариас Лулу решил заскочить в офис «Интернэшнл даймонд». Глена Миллера он не видел уже третий день и за это время немного соскучился по его обществу.

Англичанин, сидя в лаборатории, сосредоточенно изучал анализы грунтовых проб. Геологоразведческая партия недавно вернулась из глубины страны, где искала неразведанные месторождения алмазов. Судя по бодрому виду мистера Миллера, результаты анализов обнадеживали.

– Ваше Высокопревосходительство зря обеспокоено появлением в продажных СМИ каких-то сомнительных видеозаписей, – высокомерно улыбнулся британец, рассматривая на свет содержимое пробирки. – В нашу компьютерную эпоху можно еще и не такое смонтировать!

– Так-то оно так. – Президент терпеливо дожидался, когда Миллер закончит свою работу: тут, на территории офиса транснациональной корпорации, он не чувствовал себя хозяином.

– Пообедаем? – на правах хозяина предложил британец и с явным подтекстом добавил: – Вы уж не обессудьте, но я предпочитаю нашу, европейскую кухню.

– С удовольствием.

Миллер позвонил службе. Спустя четверть часа чернокожий бой в белоснежной униформе вкатил тележку с судками и выпивкой.

Филе антилопы, жаренное на решетке, было сдобрено кайенским перцем и чесноком. В нежном соусе из молодых побегов бамбука плавали ананасовые ломтики. Королевская роскошь устриц оттенялась кружевными дольками лимона. Несколько бутылок со спиртным возвышались над столом, словно донжоны средневекового замка. Свежевыжатый сок манго щеко-тал ноздри витым ароматом.

– За здоровье Вашего Высокопревосходительства! – традиционно предложил первый тост Миллер, с укором наблюдая, как малокультурный президент ест филе, обходясь без помощи вилки и ножа.

– Шпашыбо, – с набитым ртом поблагодарил Лулу и, прожевав, потянулся к бутылке. – Слушай, у меня тут эти русские никак из головы не идут... Я вот что подумал: а если они

обидаются и что-нибудь эдакое предпримут? Ведь, судя по всему, в Москве поверили той фальшивой видеозаписи!

– До России – почти четыре тысячи миль, – успокоительно улыбнулся британец. – Что они могут предпринять? Они ведь не американцы, чтобы для спасения своих граждан целый флот посылать! Да и флота у них такого почти не осталось, а то, что есть, – плавучий металл. Наоборот, теперь, когда вы продемонстрировали всему миру свою неуступчивость заокеанскому давлению, Москва наверняка будет вас уважать и бояться!

Как и все без исключения диктаторы, Азариас Лулу был чрезвычайно труслив и мнителен. Ведь кроме врагов внутренних у него было немало и внешних врагов – на западе, востоке, севере и юге. И все эти враги имели достаточные основания не любить президента-людоеда. Сама мысль о том, что русские могут предпринять силовую акцию по освобождению сограждан, вселяла в главу государства панический ужас.

– Слушай, Глен... А если они пришлют сюда не эскадру, а стратегическую подводную лодку с крылатыми ракетами и к черту все тут разнесут? – уныло предположил президент.

Поднявшись из-за стола, мистер Миллер подошел к окну и поднял жалюзи. Ослепительно-желтое солнце стояло в зените, окрашивая в пастельные тона портовые строения, песчаные горы и серые эсминцы на рейде.

– Гидроакустики определяют любую подводную лодку, а ВМФ Вашего Высокопревосходительства тут же утопит ее глубинными бомбами. – Англичанин был подчеркнуто невозмутим. – Не забывайте, что именно «Интернэшнл даймонд» оплатило перевооружение всего вашего флота. Тут – суверенные территориальные воды. Любой подводный корабль, который без разрешения появится в наших водах, по международным законам квалифицируется как пиратский.

– А если парашютисты какие-нибудь? – прикинул президент и, не дождавшись тоста, опрокинул вторую рюмку. – Ну, командос, спецназ...

– В прошлом году «Интернэшнл даймонд» закупило для вас новейшую систему ПВО для охраны суверенного воздушного пространства.

– Ладно, наливай. – Аргументы собеседника несколько успокоили Лулу.

– За Африку! – прозвучал традиционный второй тост.

– Сгорела бы эта Африка к чертовой матери, – брезгливо поморщился диктатор. – Кроме моей страны, конечно же... Всюду меня обложили! Всюду! Понимаешь? Не то что за всенародно избранного президента – за человека не считают! Да и кто? Свои, черные! Послушай, белый... Ты вот вроде умный. Тогда скажи: а на черта мне вообще эти русские сдались? Зачем ты мне насоветовал их захватить? Мне кажется, Костяна был по-своему прав: русских следовало отпустить с подобающими извинениями, а вину свалить на оппозицию... Народ у нас тупой и не такому верит.

– Ваше Высокопревосходительство не понимает очевидного. – Пригубив спиртного, мистер Миллер тонко улыбнулся. – Эти русские – не люди, а аргументы. Аргументы для вашего... и нашего будущего.

Лулу ничего не понял и тупо уставился на собеседника.

Британец продолжал:

– На самом деле все очень просто. Русских надо как следует помуржить в тюрьме. Да так, чтобы они сами признали свою вину и рассказали о ней перед телекамерами. А уж потом добрый и справедливый президент, то есть Ваше Высокопревосходительство, должен их простить и амнистировать. Я же, в свою очередь, обещаю, что уже после этого попытаюсь смягчить позицию мирового сообщества по отношению к вашей стране. Мол, демократизация продолжается, и амнистия русских моряков – тому подтверждение. И уж тогда всем этим прогнанным демократиям ничего иного не останется, как наладить с вами конструктивный диалог. Напри-

мер – о восстановлении вас в Организации африканского единства. В результате выиграют все: и Ваше Высокопревосходительство, и наша корпорация.

Миллер гнул свою линию с грубостью карьерного экскаватора. Лулу внимал не перебивая. Логика собеседника казалась ему безукоризненной.

– Однако нужен козел отпущения, который якобы и перегнул палку с русскими, упрятав их за решетку, – сладко напевал англичанин. – Чтобы его предъявить и показательно, на глазах у всех, покарать. Это, мол, все не вы – это он виноват.

Лулу насторожился:

– Это ты о ком?

– В последнее время Бамбучо Костяна слишком многое себе позволяет, – вкрадчиво произнес англичанин. – Он действительно харизматичен, народ его любит и боится... по крайней мере в родной деревне. Некоторые даже называют этого деревенского проходимца «батькой».

– Отец нации – это я! – энергично произнес президент Лулу.

– Однако не все это понимают, – с показным сожалением парировал Миллер. – Мне кажется, при удачном стечении обстоятельств Бамбучо Костяна вполне способен захватить власть.

– Да неужели? – опьяневший диктатор взял бутылку и хлебнул прямо из горлышка. – У тебя что, есть какие-то основания так считать?

– Что-то слишком часто он начал ездить по регионам. Вы хоть знаете, о чем он там говорит с населением?

– Набука Вабанда регулярно представляет мне все стенограммы его выступлений. Ничего предосудительного. Наоборот, благодарит меня лично за новую, счастливую жизнь. Мол, за годы моего президентства уровень жизни несоизмеримо поднялся, и лишь горстка отщепенцев, отработывающих зарубежные гранты, может утверждать обратное...

– Это то, что Костяна с трибуны говорит. А о чем он беседует с местной политической элитой? Со всеми этими вождями племен, местными шаманами и старостами агрогородков? О том, что государство в своем развитии идет в неправильном направлении. О том, что из-за международной изоляции он не может поехать ни в одну приличную европейскую страну. О том, что вы, извините, уже стары и потому неадекватно оцениваете ситуацию в стране...

Лулу молчал. Оценив тональность молчания, мистер Миллер понял, что избрал правильную тактику беседы.

– Поймите, Ваше Высокопревосходительство! Ведь предают только свои. Кто организовал заговор против Юлия Цезаря? Брут. Кто отстранил Наполеона от власти? Маршалы, которых Наполеон сам и возвысил. Кто отравил Моцарта? Лучший друг Сальери...

Президент непонятливо замигал: из перечисленных имен он слышал только о Наполеоне – так назывался его любимый коньяк.

– Главные враги, скорее всего, окопались в окружении Вашего Высокопревосходительства. Думаю, их немало. И Бамбучо Костяна вполне способен возглавить заговор. И вообще, ваша политическая элита нуждается в притоке свежей крови.

Слушая британца, диктатор внутренне соглашался с его доводами. Даже у самых преданных соратников были все основания для скрытого недовольства. Однако в открытую противостоять страшному шаману он боялся. Мало ли на какие фокусы был способен этот всесильный заклинатель духов? От одного только воспоминания о посохе Костяна с наверху – человеческим черепом – президенту становилось не по себе.

– Если я помогу вам вернуться в Организацию африканского единства и посодействую уничтожению Бамбучо, мы сможем рассчитывать на полное освобождение от налогов? – наконец резюмировал представитель «Интернэшнл даймонд».

– Думаю, да, – пьяно кивнул диктатор, прикидывая, сможет ли он обмануть и этого хитрого белого. Но тут же спохватился: – Да, слушай, а как же русские? Ну, если они обидятся и кого-то пришлют...

– Действовать надо решительно, пока время работает на нас с вами. Я считаю, пока вам следует установить полный контроль за въездом-выездом из страны. Лучше всего вообще запретить выезд населения за рубеж. Что вашим людям за границей делать? Еще нахватаются какой-нибудь заразы... Ну, и конечно же, запретить въезд в вашу страну всем европейцам... За исключением сотрудников нашей корпорации. Противовоздушную оборону и особенно военно-морские силы перевести в режим круглосуточного боевого дежурства. Следователи Набука Вабанды должны любыми путями выбить из моряков «Новочеркасска» признательные показания. А Бамбуcho Костяна следует срочно отправить с какой-нибудь важной государственной миссией в глубь страны. Например, в его родную деревню. Чтобы обрубить его возможные связи с заговорщиками в столице. У вас скоро День независимости, вот пусть и расскажет на своей исторической родине о несомненных заслугах Вашего Высокопревосходительства. А теперь, – мистер Миллер поднялся из-за стола, давая понять, что аудиенция закончена, – прошу меня извинить. Дела.

Проводив диктатора до ворот, мистер Миллер вернулся в столовую и, нацедив себе рюмку спиртного, взглянул в окно: президентский кортеж уже разворачивался на площадке перед офисом.

– Чтоб ты сдох, кровавое животное! – напутствовал он диктатора в качестве третьего тоста и немедленно выпил...

...В тот же день появился очередной декрет президента, по которому почти всем гражданам категорически запрещалось выезжать из страны. Этот же декрет сильно ограничивал право на въезд иностранцев – за исключением, конечно же, сотрудников «Интернэшнл даймонд». Телеканал «За Африку!» без устали объяснял, что эта мера принята исключительно для пользы народа – ведь во всех без исключениях странах свирепствовали войны, анархия, революции, голод, эпидемии, инфекции, засухи, морозы, наводнения и другие стихийные бедствия, и лишь государство, возглавляемое всенародно избранным, продолжало оставаться единственным островком стабильности и покоя. Как Верховный главнокомандующий, Азариас Лулу предписал всем родам войск быть предельно бдительными по охране священных рубежей государственной границы. Особенно это касалось суверенных территориальных вод. Военный парад, запланированный на День независимости, должен был не только продемонстрировать военную мощь диктатуры, но и внушить всем возможным врагам, в том числе и русским: президент Азариас Лулу не потерпит никакого вмешательства в суверенитет своего государства!

Глава 3

Утро выдалось унылым и серым. С перерывами моросил мелкий дождь. Ветер с Балтики морщил лужи. Серая пелена подергивала перспективу взлетно-посадочной полосы.

Стоя под козырьком контрольно-диспетчерского пункта, Морской Волк сосредоточенно наблюдал, как от белоснежной туши военно-транспортного самолета медленно отваливает ракетный тягач с гигантской восьмиосной платформой. Погрузка мини-субмарины «Макаров» только что завершилась. Подлодка вписалась в чрево «Ила» с удивительной точностью. Можно было не сомневаться – авиаторы наверняка рассчитали не только оптимальный курс до заданного квадрата Индийского океана, но и высоту, с которой субмарина будет сброшена в море на грозди грузовых парашютов.

– Не бойтесь, Илья Георгиевич? – Голос старпома Николая Даргеля вывел Макарова из задумчивости.

– Никогда не верьте людям, которые говорят, что они ничего не боятся, – закулив, кап-2 протянул пачку сигарет старшему помощнику. – Если человек ничего никогда не опасается – значит, он психически болен, или душа у него черства. Признаюсь честно – я боюсь. Не столько за себя, правда... За «железо». За экипаж. Вы никогда с воздуха в море не десантировались?

– Я ведь Севастопольский подплав заканчивал, а не Рязанскую десантуру.

– А мне вот однажды довелось. – Закулив, командир мини-субмарины стряхнул со своей фуражки алмазные дождевые капли. – Помню, старлеем отправили меня во Владик, на курсы спецподготовки. О подводной разведке слышать не приходилось?

– ОМРО? Это у которых шевроны – молнии в круге перекрещены на якорной мине?

– Вот-вот. Особые морские разведотряды. Только нас с вертолета не в субмарине сбрасывали, а в управляемом батискафе. Со сверхмалой высоты, чтобы аппарат при ударе о воду не разбился. Честно признаться – ощущение не из приятных. Особенно когда летишь и ждешь удара о поверхность моря...

– Ну, наш «Макаров» – это доисторический батискаф-самотоп, – успокоительно промолвил Даргель, хотя по его голосу было очевидно, что волнуется он ничуть не меньше командира.

– Прорвемся, – прищурился командир, глядя на авиационный топливозаправщик, маневрирующий под гигантским крылом «Ила». – Лодка надежная, экипаж обкатанный. Мы ведь и полуторакилометровую глубину можем выдержать. А тут еще и парашюты...

* * *

Мини-подлодка «Макаров», существующая в российских ВМФ в единственном экземпляре, опередила свою эпоху как минимум на несколько десятилетий. Субмарины класса «М» есть едва ли не во всех мировых флотах, однако от «Макарова» они отличались так же, как пироги туземцев от каравелл Колумба. Сверхпрочный титановый корпус позволял подлодке погружаться на глубину более полутора километров, что делало ее неуязвимой для любых типов глубинных бомб. Мощнейшая система звукоизоляции и сверхтихий каталитический двигатель не оставляли никаких шансов вражеским гидроакустикам. Высокотехнологичное покрытие превращало «Макаров» в объект, совершенно невидимый для любых сонаров. Это был настоящий подводный вариант «Стелс».

Несмотря на небольшие размеры, лодка обладала практически неограниченным запасом хода – аккумуляторы можно было заряжать или от выдвижных солнечных батарей, или от энергии волн. Маневренная, легкая, скоростная, она скорее напоминала венец эволюции какого-нибудь океанского хищника, чем творение человеческих рук. Конечно, до разрушительных

возможностей атомного «бомбовоза» ей было далеко. Но ее создатели и не претендовали на то, чтобы сотворить подводного терминатора, способного разнести в пух и прах что угодно, когда угодно и на каком угодно континенте. Секретная мини-подлодка была способна на такие вещи, которые командирам «бомбовозов» и не снились: незаметное проникновение в чужие территориальные воды, скрытный проход по рекам и даже прослушка совсекретных узлов связи вероятного противника. В современной морской войне ни один корабль не подпустит чужую субмарину ближе чем на тридцать-сорок морских миль. А потому водоизмещение, количество ядерных боеголовок и их мощность не всегда являются решающими аргументами в борьбе за господство на море...

Мощнейшая система электронных помех и была главным оружием «Макарова». Выдвижная телескопическая антенна создавала направленное электромагнитное поле, способное вывести любую судовую и авиационную электронику из строя на расстоянии до двадцати морских миль. В наше технологическое время это куда эффективней торпед, мин, ракет и глубинных бомб, ведь мини-подлодка в считанные секунды может превратить самый современный авианосец в груды металлолома.

За экипаж Морской Волк был спокоен: подводники подобрались грамотные, с большим стажем службы, причем служили они на многих субмаринах. За плечами этих офицеров были и многомесячные «автономки», и пожары в отсеках, и потечи контуров в реакторах... Как и у Морского Волка, ни у кого из них не было родных или близких: в экипаж подбирались или бывшие детдомовцы, или холостяки, похоронившие родителей. В этом вопросе Главное управление кадров ВМФ было последовательно; история «Курска» научила многому. А ведь совсекретная мини-субмарина изначально предназначалась для выполнения деликатных заданий, связанных со смертельным риском!

В случае попытки захвата противником командир был обязан немедленно уничтожить подлодку вместе с экипажем. Даже если бы кто-то из подводников чудом выжил, ни Военно-морской флот, ни власти не стали бы его защищать. На все иностранные запросы мог быть только один ответ: «Таких людей в российском подплаве никогда не было и нет». Остатки подлодки не могла бы идентифицировать ни одна разведслужба мира: на «Макарове» не было ни одной российской маркировки, а в камбузе – ни одного российского продукта. Отправляясь в дальний поход, подводники сдавали все документы в сейф. Вахтенный журнал велся исключительно на английском. Даже форма и та была без всяких знаков различия, тельники и матросские робы. Да что форма – на борту субмарины не было даже Андреевского флага!

Капитан второго ранга Илья Георгиевич Макаров никогда не распространялся, что совсекретная субмарина названа в честь его знаменитого прапрадеда. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров, погибший в русско-японскую войну на линкоре «Петропавловск» вместе с художником Верещагиным, для российского флота значил ничуть не меньше, чем Горацио Нельсон для англичан. «Красивое имя – высокая честь!» – обычно говорил Морской Волк, когда речь заходила о названии субмарины, и это обтекаемое объяснение было исчерпывающим.

И все было бы хорошо, если бы не старший помощник, кап-3 Николай Даргель. Неудобный, постоянно застегнутый на все пуговицы, он распространял вокруг себя волны напряженности и уныния. Да и слишком уж мелочными были его требования, слишком уж придирчиво он следил за выполнением уставов и инструкций. Подплав всегда требует решительности, быстроты мышления и творческого подхода, а потому подобные вещи в реальных боевых походах не всегда помогают. Ради справедливости Макаров постоянно задавал себе вопрос: а чем, собственно, ему не нравится заместитель? Другой бы командир молился на такого старпома. Что ни скажешь, все будет исполнено. Однако недостаток человеческого общения заставлял смотреть на старпома косо не только командира, но и весь экипаж...

Конечно же, адмирал Столетов не посвятил в тонкости операции по освобождению моряков с «Новочеркаска» ни командира, ни экипаж. Что-то приходилось домысливать самим, о чем-то – просто догадываться. Морской Волк знал только приблизительный маршрут военнотранспортного самолета: на юго-восток. Над Северным Кавказом грузовой «Ил» должен был дозаправить «летающий танкер». Десантирование на поверхность Индийского океана было запланировано на четыре утра – с учетом местного часового пояса. Квадрат десантирования, расположенный неподалеку от территориальных вод проблемного государства с диктаторским режимом, был не слишком судоходен, что исключало случайные встречи с торговыми судами. Метеорологи обещали безветренную погоду и спокойное море. Инженерный расчет гарантировал полную безопасность субмарины и экипажа. И все-таки Морской Волк нервничал, и его можно было понять...

* * *

Самолет медленно полз вверх. Солнце садилось, закат расцветил море радужными переливками. От перепада давления в ушах закладывало, и Макаров, обернувшись к старпому, заметил:

- Честно говоря, я бы предпочел до самого десантирования просидеть на «железе».
- Субмарина все равно в воздухе! – последовал ответ. – А чем тут не нравится?
- В боевой рубке как-то привычней...

Подводники, расположившись поодаль, играли в карты, шелестели газетами. Некоторые дремали: в подплаве вообще спят урывками, и каждая минута полноценного сна дорогого стоит.

– Никак не могу понять, сколько мы будем в Индийском океане болтаться? – недоумевал Николай Даргель. – Мы ведь не стратегический ракетоносец! Без промежуточной базы обеспечения и базирования долго не протянем.

– Думаю, адмирал Столетов тоже об этом догадывается, – улыбнулся Илья Георгиевич.

– А как нас доставят обратно? Не своим же ходом до Калининграда идти! И потом, если силовая акция по освобождению наших моряков задумана как сухопутная, какова наша задача?

Макаров молчал. Он и сам понимал справедливость вопросов старпома. Однако понимал и другое: военно-морская структура ГРУ, просчитавшая операцию, наверняка учла абсолютно все...

* * *

Городская тюрьма, построенная в позапрошлом веке колонизаторами-англичанами, внушала противникам диктатуры Лулу неподдельный ужас. Впрочем, не только противникам – ведь попасть за решетку мог практически каждый. Про тамошние порядки рассказывали шепотом и оглядываясь. По слухам, несговорчивых арестантов поливали кипящим маслом, варили в уксусе, подвешивали за ребра на крюках для свиных туш и даже клали связанными на ростки молодого бамбука – спустя несколько суток стебли прорастали сквозь тела несчастных, разрывая их на части. Лишь очень немногие вышли из камер живыми, и эти счастливицы навсегда старались забыть тюремные ужасы.

Африканцы, работавшие на плантациях неподалеку, то и дело слышали одинокие пистолетные выстрелы, доносившиеся из тюремных окон. Удравшие за границу диссиденты утверждали, что так тренируются головорезы из «эскадронов смерти», возглавляемые печально известным в стране Набуко Вабандой. Однако ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи было некому...

...Игуана размером с кролика неторопливо вылезла из щели в стене тюремного кабинета и медленно повернула голову к окну. В круглых, словно отлитых из стекла глазах отразились стоматологическое кресло с бормашиной, небольшая видеокамера на подоконнике, низкий деревянный топчан, устланный грязным тряпьем, и столик с аккуратно разложенными инструментами для пыток. Мосластый чернокожий следователь в клеенчатом переднике, перемазанном кровью, задумчиво перебирал щипцы, буравчики, мотоциклетные спицы и резиновые жгуты. Второй следователь – худой, как гвоздь, с печальным лицом садиста и редкими щербатыми зубами, устало курил у открытой форточки. Это были самые опытные заплечных дел мастера, рекомендованные министром внутренних дел для работы с русскими моряками.

– Ты когда-нибудь с белыми дело имел? – поинтересовался мосластый, пробуя на ноготь лезвие скальпеля.

– Два раза. И оба раза они во всех своих преступлениях сознались... как миленькие, – равнодушно ответил щербатый и, заплевав окуроч, выбросил его в форточку.

– Возился долго?

– С первым минут пятнадцать... Иголки под ногти еще выдержал. А когда в ухо медный провод засунули и в розетку воткнули – сразу же во всем признался.

– А со вторым?

– Там еще проще. Баба была. То ли бразильская журналистка, то ли японская... Как резиновый шланг увидела, сразу во всем призналась.

– А что ты со шлангом делать собирался?

Понизив голос, щербатый деловито объяснил, как собирался использовать шланг.

– Значит, засунуть одним концом... туда, а через шланг запустить красных муравьев? – неожиданно развеселился мосластый. – Сам придумал?

– Да! – последовало горделивое признание. – Я вообще с бабами работать люблю. Визжат, правда, как свиньи недорезанные. Но это даже приятно.

– Тогда русского допрашивать я буду. А ты будешь мне поддакивать... или возражать, если потребуется. Не мне тебя учить!

Капитана «Новочеркасска» привели спустя минут двадцать. Алексей Флеров выглядел обессиленным и уставшим, но держался с достоинством. Он не выказал страха ни перед пыточными инструментами, ни перед зверовидными полицейскими в окровавленных передниках. Это неприятно поразило следователей: большинство арестантов, едва взглянув на пыточные приспособления, сразу же становились жалкими и пришибленными.

– Я требую немедленной встречи с российским консулом! – потребовал Флеров прямо с порога.

– Ваша страна не считает нужным содержать у нас консульство, – на весьма скверном английском пояснил мосластый. – Посол Российской Федерации в Танзании по совместительству представляет ваши интересы и у нас. Да только ни вы, ни остальные моряки его не интересуют. Мы несколько раз пытались с ним связаться, но он и слушать нас не захотел!

Это было наглым враньем: и российский посол в соседней Танзании, и МИД Российской Федерации вот уже больше недели добивались встречи с арестованными. Однако любые попытки дипломатов разбивались о неуступчивость Азариаса Лулу.

– Итак, по законам нашей республики, покушение на жизнь всенародно избранного президента является тягчайшим государственным преступлением. Это не что иное, как терроризм, – с наслаждением продолжал мосластый, тщательно подбирая английские слова. – Следствие располагает неоспоримыми доказательствами вашей вины... Свидетельские показания, протоколы береговых служб... коллективное письмо портовых спасателей в международные инстанции, а главное – письменное заявление главного потерпевшего, Его Высокопревосходительства Азариаса Лулу... Всего этого более чем достаточно, чтобы наш суд приговорил вас и ваших товарищей к высшей мере наказания – смертной казни через повешение.

– Но у вас есть шанс спастись, – подхватил щербатый напарник, и на его лице профессионального душегуба появилось подобие улыбки. – Чистосердечное признание поможет сохранить не только вашу жизнь, но и жизнь ваших друзей.

Допрос «хорошим» и «плохим» следователями придуман давно и действует безотказно даже в Африке. Однако на Флерова этот незамысловатый ход впечатления не произвел.

– Я не могу сознаться в преступлениях, которых не совершал, – с подчеркнутым чувством собственного достоинства ответил он. – Любой эксперт по судовождению сразу же определит виновника столкновения. У кого пробоина по борту – у нас или у яхты Его превосходительства?

– У нас есть многочисленные свидетели! – с явной угрозой напомнил мосластый. – И они утверждают: вы сознательно подставили «Новочеркасск» под форштевень президентской яхты!

– Мистер Флеров! Неужели вы не понимаете, что ваша страна от вас... и от ваших товарищей уже отказалась?! – щербатый почти душевно приложил руку к груди. – Если бы их действительно интересовала ваша судьба, они бы давно уже...

– В таком случае я требую, чтобы меня немедленно связали с нашим посольством в Танзании, – парировал Флеров, выдерживая спокойный тон беседы.

– Почему же вы нам не верите?

– Я вам верю, – дипломатично ответил капитан. – Но все-таки хочу переговорить с нашими дипломатами и убедиться лично.

Конечно, в любой другой ситуации полицейские могли бы организовать весьма правдоподобный телефонный звонок «в российское посольство», да такой, чтобы на том конце провода ответили: да, товарищи торговые моряки, вы нам неинтересны, мы от вас отказываемся, так что выпутывайтесь из этой скверной истории как хотите. Так случилось четыре года назад с не в меру дотошным журналистом из Кении. Арестант и не догадывался, что «танзанийский дипломат», с которым он долго разговаривал по телефону, находится не в Найроби, а в соседнем кабинете. После чего сразу признался во всех преступлениях, которые на него навесили. Однако провокатора, отлично владевшего русским языком и знавшего дипломатические нюансы, в полицейском аппарате Набуко Вабанды не нашлось...

– К сожалению, телефонный звонок в Танзанию слишком дорого стоит, – сокрушенно произнес щербатый; несомненно, он предвидел и такую реакцию подследственного. – Так что вам остается лишь поверить нам на слово. Сами подумайте, хотели бы они с вами связаться – давно бы это сделали!

– К тому же наша суверенная демократия не может оплачивать переговоры государственных преступников! – тоном демагога сказал мосластый.

– Тогда говорить мне с вами не о чем.

– Значит, вы не признаете своей вины? А ведь российские дипломаты уже ее признали! Капитан «Новочеркасска» отрицательно покачал головой.

– Повторяю: пока нам не предоставят встречу с нашими дипломатами, я отказываюсь говорить.

– Тем хуже для тебя, белая обезьяна! – «Злой» следователь демонстративно закатал рукава сорочки.

– Мистер Флеров, я бы на вашем месте все подписал, – драматическим шепотом вставил его коллега и, склонившись к уху капитана, продолжил почти испуганно: – Он когда разойдется – я его сам боюсь! Это же зверюга какая-то... горилла, а не человек!

«Зверюга», явно довольный такой оценкой, с силой толкнул Флерова в стоматологическое кресло.

– Сидеть, русская свинья! Я тебе сейчас объясню, как у нас с террористами поступают!

Капитан невольно стиснул зубы. В руках изверга блеснули наручники, и он с удивительной ловкостью пристегнул запястья Флерова к истертым до зеркального блеска подлокотникам. В руках «доброго следователя» зашелестели листы протокола с уже записанным «признанием», но без подписи обвиняемого.

– Ты только язык ему насквозь не протыкай! – просительно молвил щербатый, глядя, как «зверюга» раскаляет на спиртовке мотоциклетную спицу.

– Инструменты нужно как следует простерилизовать, – тоном врача прокомментировал тот, показательно не реагируя на реплику. – Иначе можно занести инфекцию. Мы, черные, – люди стойкие и жизнеспособные, в любых условиях выживаем. А белые – все как один неженки!

Неизвестно, чем бы закончилась эта сцена, если бы в кармане щербатого не зазвонил мобильник. Сделав едва заметный знак коллеге, он вышел в коридор.

– Как успехи? – скрипучий голос Бамбучо Костяна заставил следователя вздрогнуть и немедленно вытянуться в струнку – так, если бы главный государственный идеолог вдруг материализовался перед ним из воздуха.

– Следствие на единственно верном пути, – пересохшим от волнения ртом ответил полицейский, лихорадочно прикидывая, почему ему звонит не министр внутренних дел Набука Вабанда, а этот страшный человек.

– Наш общий предок, дух джунглей Шамбу-Шумба, подсказывает мне, что вы плохо работаете, – ничего не выражающим тоном перебил колдун. – Он подсказывает, что вы зря получаете зарплату, проедаая народные деньги. От него я узнал, что русский капитан не хочет признаваться в своей вине, требуя каких-то дипломатов. Даю вам три дня, чтобы его расколоть. Ко Дню независимости он должен во всем признаться. Иначе... Ты сам понимаешь, что я могу с вами сделать. Только вот калечить мистера Флерова и остальных русских категорически запрещается. Никаких следов физического воздействия быть не должно!

На глянцево-черном лице следователя выступили мелкие капельки пота.

– Почему, господин министр? – уточнил он хриплым шепотом.

– Рано или поздно и его, и весь экипаж «Новочеркасска» придется передать русским. Как мы тогда объясним шрамы, ожоги? У мирового сообщества может сложиться негативный образ нашей молодой африканской демократии, – невесть зачем разоткровенничался заклинатель духов.

– Жаль, что этих белых нельзя хоть немножко... изувечить! Ведь они покушались на жизнь всенародно избра...

Короткие гудки дали понять, что разговор завершен.

– Все знает! – искренне удивился щербатый и, спрятав мобильник, вернулся в комнату для допросов.

Алексей Флеров по-прежнему сидел в стоматологическом кресле, и запястья его были надежно прикованы к подлокотникам.

– Сам Костяна звонил! – прошептал щербатый на ухо коллеге. – Бить запрещается, пытать тоже запрещается. И вообще – никаких следов не должно быть.

– Это еще почему?

– У этих белых кожа слишком светлая и нежная. Шрамы останутся. Потом этих террористов Москве отдадут, а русские вой на весь мир поднимут: мол, жертвы диктатуры...

– Ничего, есть и другие способы сделать его более сговорчивым! – осклабился мосластый и, подумав, взвесил в огромной розовой ладони пачку поваренной соли.

Пытка жаждой, несмотря на кажущуюся простоту, эффективна не менее «испанского сапога», бича из гиппопотамовой кожи, истязаний электротоком или раскаленными щипцами. Особенно – на испепеляющем экваториальном солнце.

Сперва мосластый насильно раскрыл Флерову рот, а щербатый, приготовив насыщенный рассол, заставил пленника выпить все до последней капли. Стоматологическое кресло с пленником выкатили в тюремный дворик. Над головой капитана на всякий случай раскрыли зонтик – страшные солнечные ожоги можно было получить за какие-то полчаса. Трехлитровая пластиковая бутылка с водой была прикреплена над головой допрашиваемого так, чтобы капли равномерно стекали по затылку, не попадая на лицо. Обезвоживание организма наступило бы через пять-шесть часов – больше этого времени пытка длиться не могла.

– У нас в деревне так пленных из враждебного племени раньше пытали, – деловито пояснил «злой следователь». – Через два часа сдавались даже самые стойкие. Главное – следить, чтобы его не сморило. Как только глаза закроет – бей по щекам!

Однако, к удивлению африканцев, Флеров и не думал сдаваться. Не думал он и засыпать. Уставившись в некую точку в пространстве, русский капитан лишь изредка облизывал пересохшие губы и, казалось, что-то шептал.

– Наверное, соляной раствор слишком слабый, – растерянно предположил мосластый, глядя, как лицо русского наливается восковой бледностью, как сквозь кожу медленно и неотвратимо проступают острые скулы.

– Раствор самый насыщенный! Куда уж больше! – сбегав в кабинет, щербатый вернулся с дюжиной пивных банок, заиндеветых в холодильнике.

Демонстративное питье ледяного пива перед изнемогающим от жажды пленником вошло в программу ведения следствия.

– Даже у меня во рту пересохло, глядя на этого... – сдернув зубами кольцо с банки, щербатый сделал несколько жадных глотков.

– Слушай, а что Костяна еще говорил? – опасливым шепотом поинтересовался мосластый.

– Трое суток нам дал на все про все. Надо, чтобы этот белый не только подписал чистосердечное признание в терроризме, но и наговорил на видеокамеру все, что ему в администрации президента подготовили. Иначе... Сам понимаешь.

Уточнять не хотелось: по слухам, всемогущий Бамбуча Костяна мог превратить следователей в обезьян, гиен или змей, и это еще было бы не самым худшим исходом...

Прошли уже пять часов, а Флеров и не думал сознаваться. Хотя по всему было видно: силы медленно оставляют капитана «Новочеркасска». Солнце, описав дугу над раскаленным тюремным двориком, скрылось за огромным горным хребтом. Со стороны набережной потянуло ветерком, донесшим сладковатую вонь портовых кварталов. Допив пиво, чернокожие следователи заметно снили.

– Наверное, духи, которым поклоняются русские, намного сильнее наших, – растерянно предположил щербатый.

– Может, этот белый знает какие-то особые заклинания?.. – огромная ладонь нервно смяла пивную банку. – Неплохо бы расспросить...

...Спустя полчаса совершенно обессиленного Флерова выволокли из тюремного дворика и бросили в общую камеру, где содержались пленники с «Новочеркасска». Тюремщик вылил ему на голову ведро воды, и арестант очнулся, захлебываясь...

– Знаешь, самыми страшными были первые полтора часа, – рассказывал он судовому врачу, придя в себя. – Я себе так загадал: досчитаю до тысячи – а там посмотрим... Может, и подпишу, что террорист. А может, и нет. Сосчитал и стал считать дальше. Капли считал, которые макушку долбили. Зато за время допроса я понял одну вещь: ни убивать, ни калечить они нас наверняка не станут.

– Почему ты так думаешь? – спросил доктор, осторожно снимая со лба Флерова влажный компресс.

– У них в комнате для допросов видеокамера стояла. Ясно, для чего.

– Чтобы мы признались в скотоложестве, наркомании, педофилии и пьянстве во время выхода из порта? Ведь шприцы, диски с порнухой и пустые бутылки в твоей каюте нашли... – вздохнул врач.

– Завтра они где-нибудь в канаве голову своего президента найдут – так нам что, всем после этого вешаться? – возмутился старший механик. – Так для чего у них видеокамера?

– Все очень просто. – Флеров с трудом приподнялся на локте. – Мы должны признаться в покушении на Лулу. После чего нас немедленно отпустят домой. Естественно, без «Ново-черкасска». Следов пыток и насилия нет – значит, наше признание было добровольным. И уж тогда диктатор и его камарилья наверняка потребуют от России наказать нас по всей строгости закона. А видеокадры, которые потом прокрутят везде, где только возможно... дорогого стоят. Наши, может, и не захотят нас наказывать – а придется, чтобы погасить дипломатический скандал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.